

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 28 (1809)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлено интервью А. Фефелова с кандидатом юридических наук, экспертом Общественного уполномоченного по защите семьи А. Швабауэр «Страдать заставят всех!», опубликованная в газете «Завтра», № 7, февраль 2020 года.

Вологда
март 2020

Страдать заставят всех!

Истинный смысл законопроекта «о домашнем насилии»

«ЗАВТРА». Анна Викторовна, в конце ноября прошлого года на сайте Совета Федерации был опубликован проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Этот законопроект является разрушительным для семьи, общества и государства. Но у него есть сторонники, которые делятся на две неравные части. Первая часть сознательно работает на внешние, враждебные России силы. А вторая – те, кто искренне не понимают, что плохого в защите женщин от насилия в семье. Первым объяснять что-либо бесполезно, а вторым мы постараемся рассказать, в чём опасность этого законопроекта. История его, я знаю, давняя.

Анна ШВАБАУЭР, кандидат юридических наук, эксперт Общественного уполномоченного по защите семьи. Да, первые попытки внести этот законопроект в Государственную думу датируются девяностыми годами. С тех пор он более сорока раз вносился в Думу, и всегда, к счастью, встречал сопротивление.

Сейчас мы видим очередную агрессивную попытку лоббирования этого законопроекта. Во всех регионах его обсуждают, и везде общественность выступает резко против. Поэтому у лоббистов не так всё легко идёт.

В октябре прошлого года в парламенте состоялись общественные слушания по этому вопросу. Они были организованы Оксаной Пушкиной и прочими сторонниками законопроекта так, что из трёх часов времени – два с половиной было дано его лоббистам. Они, конечно, пугали страшными случаями с отрубленными руками, постоянно включали гнетущую музыку, воздействуя на зал, стараясь убедить, что такие случаи повсеместны, а будущий закон – спасение. Хотя такие преступления ни малейшего отношения к этому закону не имеют.

«ЗАВТРА». А противники законопроекта смогли что-то сказать?

Анна ШВАБАУЭР. Мы буквально прорывались к трибуне! Мне дали всего пять минут. Другим противникам закона давали по минуте.

Видимо, задумывались эти слушания как общественное «одобрям-с!», но народ встал на ды-

бы. Пошли по всей стране митинги, пикеты. Люди массово стали писать в органы власти. Лоббисты закона в ответ неприкрыто лукавили: мол, не утверждено ещё ничего и не опубликовано, что же вы тут обсуждаете? А сами они обсуждают, хотят внести, одобрить некую концепцию, а нам, когда мы критикуем их концепцию, говорят, что законопроекта нет! Хитрый ход.

Но под воздействием общественного недовольства Валентина Матвиенко опубликовала наконец этот законопроект. За две недели он собрал более десяти тысяч комментариев, из них 90% отрицательных.

«ЗАВТРА». У всех просто волосы встали дыбом, когда посмотрели на текст этого законопроекта!

Анна ШВАБАУЭР. Да, когда увидели, что именно предлагается!

До этого ещё осенью было два круглых стола в Общественной палате РФ, где эксперты выступили с резкой критикой. Рекомендациям тех круглых столов, правда, не дали ход.

Потом Общественная палата организовала новую попытку как-то одобрить законопроект. На одном американском сайте повесили даже анонимную «голосовалку» с манипулятивными вопросами типа «согласны ли вы с такой-то формулировкой законопроекта...» – словом, там не было пунктов «за» или «против» закона. И разослали во все региональные общественные палаты примерно такие же опросы с просьбой высказаться. Есть информация, что даже были попытки звонками урегулировать вопрос на месте!

Но люди стали обращаться в Общественные палаты регионов, требовать проводить круглые столы. В итоге, насколько мне известно, в Общественную палату Российской Федерации поступили ответы примерно из половины регионов, и только один регион дал положительный ответ. Остальные – против! Надеюсь, при таком общественном настроении побоятся вносить этот законопроект в Думу.

«ЗАВТРА». В этом семейно-бытовом армагеддоне они настроены очень агрессивно. Думаю, и дальше будут попытки.

Анна ШВАБАУЭР. Да. Недавно одна из лоббисток закона, Алёна Попова, опубликовала видео, где говорит: «Я костями лягу, но этот закон будет принят!»

«ЗАВТРА». Они напирают на то, что действующего законодательства недостаточно для пресечения случаев домашнего насилия. На самом деле, необходимые нормы уже и так есть.

Анна ШВАБАУЭР. И их достаточно много. Мы ведь не говорим, что проблемы не существует, хотя часто противников закона обвиняют в том, что они считают, что семейного насилия нет вообще. Конечно, оно есть. Но не в тех масштабах, как транслируют лоббисты законопроекта.

«ЗАВТРА». А какие цифры они приводят?

Анна ШВАБАУЭР. Они кричат, что у нас ежегодно мужьями убивается по 14 тысяч жён! На самом деле, по статистике МВД за 2018 год, в семейно-бытовых конфликтах были убиты 253 женщины. Есть разница между 14 000 и 253?

Ещё говорят, что в России 2 миллиона избиваемых ежегодно детей, и чуть ли не 10% из них погибают. На самом деле, 36 детей за год погибло.

Но, признавая, что проблема есть, мы говорим, что закон совершенно не направлен на противодействие этой проблеме.

Что в плане правового инструментария уже есть? Уголовный Кодекс у нас запрещает причинение вреда здоровью любой степени тяжести: тяжкого, среднего, лёгкого, – любого... Запрещены побои. Что такое побои? Это не только удары, но и любое насильственное причинение боли: щипки, толчки... Также у нас запрещены оскорбления – унижение чести и достоинства в неприличной форме.

«ЗАВТРА». То есть всё чётко прописано.

Анна ШВАБАУЭР. Да, в плане составов правонарушений у нас всё есть. Другое дело, что правоприменение иногда у нас «хромает». Часто наши противники говорят о том, что уголовные дела не возбуждаются. Но это, извините, проблема не законодательства. Это проблема лени, нежелания работать! Например, по делам частного обвинения – таким, как побои, причинение лёгкого вреда здоровью, – уголовные дела могут возбуждаться не только по заявлению потерпевшего, но и по инициативе правоохранительных органов, если потерпевший находится, например, в беспомощном либо в зависимом состоянии. То

есть такого нет, что не подано заявление – и всё, мол, точка... Инструментарий есть: например, 20-я статья Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, этот кодекс даёт целый спектр мер пресечения. Одна из них – запрет определённых действий. Например, подозреваемому запрещают приближаться к определённому человеку или находиться в тех или иных местах.

«ЗАВТРА». По сути, это то самое предприятие, которое оксаны пушкины пытаются протолкнуть своим законом!

Анна ШВАБАУЭР. Да. Но, в отличие от их законопроекта, ныне действующая мера пресечения применяется исключительно при наличии признаков конкретного преступления, а не в той расплывчатой формулировке, как у них!...

Ведь есть процесс уголовный, в котором предусмотрены состязательность сторон, возможность представления доказательств. И решение принимается судьёй. Кроме того, у нас есть закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который позволяет как до возбуждения уголовного дела, так и после его прекращения применять меры защиты. Например, перемещение лица в безопасное место. Есть такой закон? Есть! Знают лоббисты о нём? Или не знают?

«ЗАВТРА». Просто не хотят о нём говорить.

Анна ШВАБАУЭР. Есть и закон «О полиции», дающий довольно широкие полномочия полицейским, в том числе в случаях домашних дебошей. По закону члены семьи дебошира могут вызвать полицию, и его отвезут в участок, если он угрожает жизни, здоровью или имуществу семьи. Либо в медицинское учреждение до вытрезвления. Пожалуйста, всё уже есть, полицейские вполне могут работать.

Кроме того, у российской полиции есть возможность выдавать предостережения. Это та ситуация, когда ещё не совершено уголовное преступление или административное правонарушение, но есть некие признаки антиобщественных действий. Приезжает полицейский, выдаёт предостережение. Это фактически как предписание, но более мягкого характера. Человека, подпавшего под эту меру, никто не выкидывает на улицу без оснований, а просто ему говорят, что он на контроле теперь.

И, наконец, в 2019 году был принят приказ МВД, который позволяет вести индивидуальную профилактическую работу в случае установленного факта побоев, даже одного. Раньше нужно было два. И в течение года такой правонарушитель будет находиться на контроле: каждые три месяца профилактические беседы с ним должны вестись и так далее. Есть и другие меры, их долго перечислять. То есть правовой инструментарий есть. Надо, чтобы правоохранительные органы им пользовались!

«ЗАВТРА». Сколько когда-то ломалось копий вокруг закона «О полиции»! Либералы кричали о недопустимости вмешательства в частную жизнь и даже в жизнь семьи(!), а сейчас сами стали локомотивом не то что вмешательства, а вторжения ядов НКО в сложную семейную биохимию!

Так что же в этом законопроекте понимается под семейно-бытовым насилием? И кто будет осуществлять эту их «профилактику»?

Анна ШВАБАУЭР. Согласно опубликованному законопроекту, «семейно-бытовое насилие – умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления».

Что такое страдание? Если мы посмотрим на значение слова «страдание», то туда входит и печаль, и тревога. Печальное настроение – это, можно сказать, уже страдание. Очень широкое понятие!

При этом никаких признаков правонарушения быть не должно, говорят. Но, как я уже замечала, у нас все насильственные действия запрещены, причинение страданий насильственными действиями запрещено действующим законодательством. Какое пространство остаётся тогда для предлагаемого закона? Причинение страданий ненасильственными действиями. Ну, например, грустная песня. Она может причинить страдания? Человек слушает, расплакался, страдает...

«ЗАВТРА». Да даже просьба сходить за хлебом... Мужчины, например, тоже могут зацепиться за этот закон, сказать, что над ними осуществляется психическое насилие, так как уже десятый раз на дню их просят сходить в булочную.

Анна ШВАБАУЭР. Абсолютно верно. Кроме шуток.

Я знаю аналогичную зарубежную практику. В Болгарии, например, этот закон используется в ситуациях домашних склок: кто-то хочет громче включить телевизор, кто-то тише... Требуемый более громкого звука, допустим, страдает, оттого что звук тихий. Возникает конфликт. Кто-то в итоге звонит в полицию. И это уже основание для применения закона.

«ЗАВТРА». Легче полицейского поселить в квартире.

Анна ШВАБАУЭР. Конечно. Или поставить видеокамеру для фиксации каждого факта страдания. Тоталитаризм! Под этот закон однозначно подпадают все воспитательные меры. Потому что воспитание очень часто связано с принуждением, психологическим силовым воздействием.

«ЗАВТРА». Тут уже под действие закона попадут все семьи с детьми!

Анна ШВАБАУЭР. Да, именно так. Хотя лоббисты говорят: «Ой, да там про детей ни слова нет!» Это ложь! Закон позволит выдать ордер в случае применения «семейно-бытового насилия» по отношению к любому члену семьи. А насилие трактуется крайне широко!

И такие трактовки уже не одно десятилетие распространяются по всей России прозападными НКО в методических материалах, которые перформатируют сознание правоприменителей, давая неадекватное понятие насилия.

В частности, у нас есть Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Он распространяет по России 26 томов материалов по вмешательству в семьи. Они, скорее всего, были переведены с английского. Сам же этот фонд отмечен связями с американским Агентством по международному развитию (USAID), который на деньги США занимается развитием демократии в других странах. Так вот, согласно материалам, которые распространяет этот фонд, психологическое насилие – неспособность родителя обеспечить подходящую для ребёнка доброжелательную атмосферу. Здорово, да? А к видам психологического насилия, например, отнесены: непоследовательность, противоречивость в реакциях на поступки ребёнка. А это что такое? Ты сегодня разрешил с утра ребёнку съесть шоколадку, а завтра не разрешил. Непоследовательно! Ребёнок страдает.

Насилием считаются и повышенные ожидания или требования, не соответствующие возможностям ребёнка. Оценивать это будет третье лицо.

«ЗАВТРА». Это самое главное – а кто, собственно, судьи?

Анна ШВАБАУЭР. Судьи-то не родители, а субъекты профилактики. И получается, что родитель лишается права устанавливать методы воспитания.

«ЗАВТРА». Анна Викторовна, помните, сколько было разговоров про те нравственные максимы, которые навязывались советским школьникам на примере Павлика Морозова? В перестройку это был жупел: «Нас заставляли предавать родителей!» А сейчас доносительство хотят поставить «на конвейер».

Анна ШВАБАУЭР. Конечно! Ведь этот фонд совместно с другим – Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации – по всей стране насаждают пресловутый детский телефон доверия. Зайдёшь на сайт любой школы и там тоже это видишь – «позвони нам, позвони».

На сайтах федеральных каналов был такой ролик. Девочка лет пяти стоит, плачет: «А мама не разрешает мне щенка...» И дальше кадр: «Позвони по детскому телефону доверия!»

«ЗАВТРА». Доведено до абсурда!

Анна ШВАБАУЭР. А какие плакаты распространяли эти фонды для деток! Допустим, у тебя появился братик, так ты позвони по детскому телефону доверия! А то твои родители с ребёнком маленьким обнимаются, целуются, а ты, что постарше, стоишь в сторонке. Позвони же нам, сообщи о своей беде! – тут игра на детской ревности.

Или родитель стоит, грозит тебе чем-то за двойку. Это тебя хотят наказать! Сообщи куда следует. Этот кошмар на сайтах образовательных организаций висит.

Ещё пример. Он опубликован на сайте администрации Петербурга. Там есть перечень признаков жестокого обращения с детьми: утомлённый вид ребёнка, подавленное настроение, импульсивность, неумение дружить, неразборчивое дружелюбие, трудности обучения, низкий рост. Перечень абсолютно безумный, чтобы каждый для себя что-то нашёл. А это основания для того, чтобы начать работу с проблемной семьёй!

Представляете, что будет, если закон, где даётся столь широкое понятие насилия, примут?! Это ж не Уголовный и не Административный кодексы, где сейчас всё чётко прописано!

«ЗАВТРА». Исполнители будут брать эти методички, где им ещё взять?

Анна ШВАБАУЭР. Именно, откроют методички фонда, найдут у вашего ребёнка «низкий рост» или «утомлённый вид» и выдадут вам предписание.

А что касается отношений супругов, то тут любые споры и конфликты могут привести к соревнованию типа «кто первый добежит до полиции». Кто первый, тот и победил. А второй – на выход. Это так и работает за рубежом.

Теперь о субъектах профилактики. Там имеется достаточно большой перечень: и органы МВД, и прокуратура, и уполномоченный по правам ребёнка, и уполномоченный по правам человека, и органы социальной защиты... Но самое интересное в этом списке – это, конечно, некоммерческие организации (НКО)!

«ЗАВТРА». И все они могут инициировать некий процесс, в результате которого будет выдано предписание?

Анна ШВАБАУЭР. А выдача защитного предписания подразумевает запрет на общение с членами семьи. То есть звонок в полицию, полиция приезжает на место, и без суда и следствия ты получаешь предписание. Ты по этому предписанию обязан моментально покинуть помещение, потому что предписывается запрет общения с членами семьи, а жить в одном жилье с людьми и никак с ними не контактировать невозможно! А как только контакт состоится – сразу последует санкция в виде ареста на 15 суток. За второй факт общения Оксана Пушкина предлагает до года лишения свободы.

«ЗАВТРА». То есть два раза позвонил жене или написал ей в соцсетях, и всё?

Анна ШВАБАУЭР. Да, даже если написал всего два слова: «хочу помириться», – это будет расценено как преследование, и последует санкция.

Что получается? В отсутствие всяких признаков реального насилия ты моментально можешь лишиться жилья, собственности, возможности общаться с членами семьи, возможности воспитывать детей. Более того, если, допустим, ребёнок увозят в какой-нибудь реабилитационный

центр, то ты не имеешь права даже его искать. Попытка поиска влечёт строгие санкции. Абсолютная дикость!

«ЗАВТРА». А они всё время ссылаются на то, что в цивилизованной Европе все это уже введено.

Анна ШВАБАУЭР. Да. Но эти предписания – лишь одна из мер профилактики, а предусмотрены ещё психологические курсы перевоспитания взрослых. Считается, что раз вы совершили насилие, то с вами надо работать, вас надо учить «ненасильственным методам общения». И кто этим будет заниматься? Некоммерческие организации и даже индивидуальные предприниматели!

«ЗАВТРА». Брать такие подряды!

Анна ШВАБАУЭР. И никаких требований к ним нет, ни требований к специальности людей, которые работают в этих НКО, – ни-че-го! Написано у них в уставе, что они занимаются профилактикой семейно-бытового насилия, – и этого достаточно! То есть это могут быть какие-то сектантские НКО, могут быть иностранные агенты – никаких ограничений не прописано. А что касается предпринимателей, то ясно, что цель у них – прибыль. Поэтому они будут целенаправленно инициировать выдачу предписаний!

«ЗАВТРА». Сами предприниматели?

Анна ШВАБАУЭР. Сами! Они, например, звонят в полицию, вы получаете предписание, и вас направляют к ним на перевоспитание. И чему вас будут там учить? В России эти программы все «скачаны» с Запада. Вот, например, программа «Переосмысленная мужественность». Что это? На примере Запада мы видим, что такое мужчины, которые постепенно превращаются в женщин.

«ЗАВТРА». **Осуществление давних феминистических заявлений о том, что надо запретить «натуралов»!**

Анна ШВАБАУЭР. Да. Недавно глава крупной женской организации Канады сказала (или сказал, или сказало, – поскольку трансгендер, как выяснилось), что надо запретить гетеросексуальные отношения.

«ЗАВТРА». А чему учит вообще этот «передовой» зарубежный опыт?

Анна ШВАБАУЭР. Он доказывает абсолютную бессмысленность этих законов с точки зрения реального противодействия преступности! Зато показывает, как эффективно они рабо-

тают на разрушение института семьи. В общем, легализация «родителя №1», «родителя №2» – к этому ведёт законодательство, направленное на борьбу с якобы насилием мужчин, направленным на женщин.

Создаётся война полов. Мужчины уже боятся и взглянуть в сторону женщин.

А теперь возьмём официальную статистику США с 2001 по 2010 год. Там идёт общее снижение преступности, но так называемая домашняя преступность на одном уровне остаётся. Нет эффекта, получается.

А теперь – поближе к нашей территории... В Казахстане с 2009 года существует закон о борьбе с домашним насилием. Так в этой сфере за 2018 год наблюдался 100%-ный рост правонарушений. Обратный эффект!

Что касается опять же США, то оттуда такие сведения приходят, что волосы дыбом. Ибо более 70% ордеров о запрете общения с членами семьи выдаются по ложным обвинениям в насилие. И это официально! Около миллиона ордеров в год!

«ЗАВТРА». Масштабы страданий при такой деструкции поражают! Ведь базируется-то всё на лжи, ложных доносах!

Происходит на пустом месте разрушение сознания и всего бытия. Человека лишают возможности общаться с детьми и женой на основании какого-то постановления или звонка соседей!

Анна ШВАБАУЭР. Любой недоброжелатель может испортить вам жизнь! И не только испортить семейную жизнь, но и лишить возможности нормальной работы.

Любой конфликт в семье и на работе может спровоцировать большие проблемы. Мы изучали американскую практику в этих вопросах. Мужчине могут позвонить и сказать, что через 20 минут он должен выйти на улицу. Человек за это время просто даже не успевает понять, что случилось, у него просто шок. Не успевает сообразить, что взять. Он выходит на улицу, ему сразу же запрещают кому-либо позвонить, попросить принести вещи или документы.

И, главное, по этим предписаниям устанавливается в Америке определённое расстояние, на которое ты не имеешь права приближаться к своему дому. В нашем законопроекте этого нет, хотя

в будущие редакции лоббисты, конечно, захотят протолкнуть заокеанские наработки.

Пушкина заявляла, что минимум 50 метров тут должно быть. А в Америке этот запрет уже составляет где 200, где 500 метров. То есть даже не можешь постучаться к соседям, чтобы попроситься переночевать.

«ЗАВТРА». Но возможны же апелляции, суды! Судебная система выдержит, если иски последуют массово?

Анна ШВАБАУЭР. Дело не в количестве судей и полицейских, а в том, что этот закон МАССОВО РАЗРУШИТ НАШИ СЕМЬИ! В Германии этот закон специалисты называют «молоток для ведьм». Там он используется для массового выселения мужчин недобросовестными женщинами. И это не только там, но и во многих странах... Опять же в Болгарии судьи уже прямым текстом говорят, что женщины очень часто пользуются этим законом для выселения мужчин.

«ЗАВТРА». Даже если женщина начала этот процесс под воздействием минутных эмоций, то заинтересованные организации (а это целая система НКО) не дадут ей остыть и примириться с мужчиной, это очевидно.

В России законопроект продавливают Оксана Пушкина, но кто стоит за ней? Ведь мы видим продуманные, многоаспектные действия.

Анна ШВАБАУЭР. Я изучала опыт очень многих стран, в которых пролоббированы подобные законы. Везде действуют одни и те же структуры – Фонд Сороса и Агентство США по международному развитию. Это – если глобально... А так, они, конечно, действуют через агентов на местах.

Что касается России, то осенью было выпущено открытое письмо 70 организаций в поддержку законопроекта. Там три организации с названиями, содержащими аббревиатуру ЛГБТ: Российская ЛГБТ-сеть, Ресурсный центр для ЛГБТ, Правозащитный ЛГБТ-кинофестиваль «Бок о Бок». Ещё порядка двадцати феминистских структур типа Просветительского проекта «Школа феминизма», Инициативной группы «Феминитив» и так далее. И, конечно, организации, которые являются иностранными агентами: например, Правозащитное общественное объ-

единение «За права человека» или Кризисный центр для женщин «Анна», который снабжает нашу страну ложной статистикой про 14 000 убитых жён.

Самое удивительное, что представители этих НКО сидят у нас при общественных комитетах, при министерствах, в том числе при Министерстве труда (там как раз представитель «Анны» сидит).

Гендерный комитет у нас ещё был создан под воздействием международных конвенций. Предыстория этого вопроса такова: с 1980 года СССР присоединился к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Слова «насилие» там не было, но был пункт о необходимости устранения всех стереотипов относительно женщин и мужчин, то есть по сути стирания различия между ними.

А потом под воздействием рекомендаций появились уже слова о «борьбе с насилием в отношении женщин». Как же работает эта конвенция? Есть комитет, который выдаёт с определённой регулярностью рекомендации странам – участникам конвенции. И чем дальше, тем страшнее. Россия тоже получила не так давно оттуда рекомендации по внедрению так называемого гендерного равенства. Как мы знаем, слова «гендер» и «толерантность» – сугубо токсичные термины, направленные на разрушение всех традиционных основ общества. Россия под воздействием этих рекомендаций сформировала при Минтруде и в регионах профильные «гендерные» комитеты. Наверное, далеко не все знают, что они есть. Но они, к сожалению, действуют.

Среди рекомендаций значатся легализация проституции в России, принятие закона «О семейно-бытовом насилии», ликвидация дискриминации в отношении женщин из числа транссексуалов, интерсексуалов – полный мрак!.. И это всё Россия должна исполнять в связи с тем, что мы когда-то присоединились к подобным международным инициативам.

«ЗАВТРА». Интересная ситуация: такие мощные структуры и группы действуют в России многие годы легально, и притом наверху очень правильная патриотическая риторика звучит!

Анна ШВАБАУЭР. На федеральных телеканалах этого ничего нет, но на сайтах наших органов власти многое обнаруживаешь. Если от-

крыть иные неприметно висящие файлы, то там такое узнаёшь!

«ЗАВТРА». А кем финансируются так называемые общественные правозащитные организации?

Анна ШВАБАУЭР. Помимо Фонда Сороса и Агентства США по международному развитию в финансировании этих вопросов выделяется Совет Европы. Открываем сайт Совета Европы и видим там тендер по России, где прямым текстом написано: «Проводится мероприятие по обсуждению борьбы с насилием в отношении женщин».

Ближайшее – в Екатеринбурге в феврале. Пожалуйста, любые российские структуры могут поучаствовать. В общем, ценники все есть, смотрите, как говорится, «почём» продаётся Родина... Там же написано, что проект этот начат в 2018 году, а закончен будет в мае 2020-го.

«ЗАВТРА». Не исключено, что транши будут продолжены.

Анна ШВАБАУЭР. Вполне вероятно. Ещё там указано, что это проект по реализации национальной стратегии действий в интересах женщин. У нас, в России, таковая была принята в 2017 году во исполнение международных конвенций. И в этой нашей национальной стратегии как раз прописано совершенствование законодательства по борьбе с семейно-бытовым насилием. Вот Совет Европы своими денежками нам и помогает реализовывать национальную стратегию!

А надо бы запретить иностранное финансирование по реализации наших национальных стратегий! А то, простите, на всё тот же семинар в Екатеринбурге, куда приглашены Польша, Италия, Испания, приедут вновь иностранные гости – в очередной раз нас учить, как мы должны бороться с насилием в отношении женщин!

А к чему это приводит на Западе – ещё один яркий пример. Теперь уже из Швеции. Там, конечно, тоже есть такая «Стратегия по борьбе с насилием мужчин в отношении женщин». У них прямо в названии заявлено, что именно мужчины являются источником насилия. Согласно их стратегии в школах проводятся программы по борьбе с деструктивной маскулинностью. То есть

считается, что источник проблем насилия в обществе – мужественность, и, соответственно, её надо вытравить, чем раньше, тем лучше. Начиная со школы. Поэтому учат детей ценностям ЛГБТ-сообщества, лишают мальчиков мужественности, стирают различия между полами.

«ЗАВТРА». Прямой выход на интересы ЛГБТ!

Анна ШВАБАУЭР. Конечно! А то иногда говорят нам: «Что вы, это же борьба с насилием! Причём тут ЛГБТ?» А притом, что по этому законопроекту мужчина не вправе и посмотреть на женщину! Вот пример из американской практики. Судья, рассматривавший дело по одному семейно-бытовому конфликту, внимательно наблюдал за мужем и женой и постановил: «Муж пристально смотрел на жену. Это представляет собой угрозу». И... выдал ордер! То есть мы вроде как шутим, что за косые взгляды будут выдавать ордера, а это не шутки, это практика. Так вот, если мужчина даже не может посмотреть на женщину, то как тогда отношения какие-либо выстраивать?

«ЗАВТРА». Это называется «депопуляционные меры».

Анна ШВАБАУЭР. Именно так!

«ЗАВТРА». То есть всё это работает на идею радикального сокращения людей.

Анна ШВАБАУЭР. Да, этот закон послужит правовой базой для геноцида семьи. А семья – основа существования общества и государства. Поэтому данный законопроект представляет собой прямую угрозу национальной безопасности России. Возможность внезапных несправедливых наказаний по этому закону породит страх, сформирует общество безвольных людей, которые будут бояться сделать любой шаг. В итоге мы получим популяцию толерантных ко всему биообъектов, которыми будет легко управлять. Возможно, это является одной из целей глобалистов, которые лоббируют подобные законопроекты по всему миру.

Беседовал Андрей Фефелов